

Иероним Иеронимович Ясинский

Я. П. Полонский

Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) — русский писатель, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист.

Я. П. Полонский

Еще живя в Чернигове, я вошел в сношения как начинающий поэт с Полонским, который был тогда редактором только что возникшего журнала "Пчела". Мое стихотворение было принято и напечатано, что было, конечно, молодому стихотворцу лестно, и именно потому, что принял Полонский.

Муза Полонского была мне знакома, разумеется, с детства, так как его стихотворениями изобиловали школьные хрестоматии. В особенности популярна была его детская поэма "Солнце и месяц", а в доме у нас распевали, да и везде, деревенские барышни за четырехногим фортепьяно романс его "Под окном в тени мелькает русая головка". Помню, большая поэма Полонского "Собаки" была напечатана в "Отечественных записках", и критика порядочно издевалась над его длинными бытовыми поэмами, а он защищался против нападков критиков, выставляя всю прогрессивность своей лиры и указывая на полное тождество проводимых им идей с идеями Писарева. Считал он себя подлинным сыном сороковых годов, примкнувшим к движению шестидесятцев.

Приехавши в конце семидесятых годов в Петербург, я узнал, что поэт Полонский служит в цензуре, правда, в иностранной, что считалось не столь позорным, и что он уже в больших чинах, уже генерал. На одном литературном вечере я увидел его высокую фигуру, опирающуюся на костыль. Мне до сих пор неизвестно, почему хромота Полонский, знаю только, что он был долгое время в Тифлисе и прекрасно описал его. Когда потом, уже в двадцатом веке, мне пришлось быть в этом городе во время войны, я поражен был необыкновенно точным рисунком и живописью, с какой Полонский изобразил столицу Грузии. И то сказать, что она не особенно, должно быть, изменилась с сороковых годов, с тех пор, как там служил Полонский.

Первый раз я познакомился с ним на квартире у Минского. Приехав из Киева, я остановился у Минского, и часов в одиннадцать утра к нему приехал с визитом Яков Петрович. В общем разговоре я напомнил ему о том, что я был, так сказать, поэтическим крестником его, и он сейчас же вспомнил мое стихотворение и пожалел, что ему скоро при-

шлось выйти из "Пчелы" как редактору, иначе он придал бы этому журналу совсем другой характер. Он очень удивился, когда я сказал ему, что в провинции в большом ходу некоторые его романсы:

— А я, представьте себе, даже и не знал, что положен на музыку! Надо будет добыть, пойду по магазинам и спрошу.

Тут он пригласил меня заходить к нему и сказал, что у него приемы по вечерам и что пятницы Полонского уже известны в литературном мире.

В течение многих лет потом я бывал у Якова Петровича на углу Бассейной и Знаменской. Квартира его помещалась в пятом этаже, и он ежедневно, отправляясь на службу в Цензурный комитет, имел мужество взбираться по крутым маршам вверх, опираясь, как Байрон, на костыль.

По пятницам у него собиралось много народу, все больше литераторы и музыканты; часто бывал Рубинштейн. Концерты Полонского были всегда изысканны, с самыми последними музыкальными новостями можно было познакомиться прежде всего у него.

Певцы, пианисты и пианистки исполняли лучшие отрывки из Вагнера, Сен-Санса и Грига, тогда только что пробивавших себе дорогу в русском обществе, причем Вагнер трактовался иными критиками как варвар.

За большим столом пили чай, а в промежутках между музыкальными номерами беседовали о литературных явлениях дня. Постоянными посетителями вечеров Полонского были, между прочим, Леонид Майков, историк литературы; Страхов, глубокий мыслитель в области, которая была уже чужда новому поколению, почти метафизик; художник и романист Каразин; Соловьев Михаил Петрович, впоследствии ставший грозным начальником печати, а до девяностых годов сотрудничавший в "Вестнике Европы" как эстет и художественный историк, знаток византийских древностей и интересный миниатюрист-иллюминист. Он показывал образчики своих произведений. Великолепно расписанное им Евангелие он хотел преподнести царице и, должно быть, преподнес.

Этот Соловьев однажды, заговорив о византийских золотых эмалях, вовлек меня в

беседу об этом предмете, о котором я имел тогда некоторое представление благодаря лекции, которую собирал французский артист Михайловского театра Мишель. Да, кстати, я знал и кое-какую литературу по этому предмету. По-видимому, Соловьев возымел обо мне преувеличенное представление как о знатоке византийского искусства. Бывало, увидит меня и сейчас же начинает толковать об эмалях, так что я стал избегать его.

Появлялись на пятницах Полонского Аполлон Майков, поэт Козлов, Плещеев, Арсений Голенищев-Кутузов. Из женщин писательниц заглядывала Панаева-Головачева, автор "Трех стран света" и сотрудница Некрасова. Вторая жена Полонского, Жозефина Антоновна, занималась скульптурой, и ей принадлежал памятник Пушкину, поставленный в Одессе, не могу сказать, чтобы хороший, впоследствии, кажется, разрушенный.

Сам Полонский, пока шумели, пели, играли и спорили гости в большом зале, просиживал в кабинете, где стоял полусумрак, курил крепкие сигары, пил чай и кому-нибудь из любителей поэзии читал свои еще не вышед-

шие в свет стихотворения загробным певучим голосом в той манере, которая теперь, в последнее время, вошла опять в моду. По словам Полонского, Пушкин также читал свои стихотворения нараспев.

Когда взошла звезда Чехова, Полонский увлекся им, стал посвящать ему свои произведения, но Чехова, хотя он и бывал у него, я никогда не встречал на пятницах Полонского. Большим почитателем пятниц Полонского был поэт Случевский, редактор "Правительственного вестника" и занимавший еще какую-то большую должность в Конюшенном ведомстве. У него из-под обшлага сюртука всегда выглядывали крупные звезды. Хотя к нему молодежь уже относилась как к истинному поэту и, помню, в журнале "Весы" Валерия Брюсова его особенно выделили на фоне старых поэтов как предшественника декадентской лирики, но все-таки я никак не мог забыть его стихотворений, напечатанных им когда-то в "Русском вестнике" в начале шестидесятых годов. Там в стихах он позволял себе такие сокращения, как "на стрже" вместо "на страже" ("ходят журавли на стрже").

Случевский был доктор философии, гейдельбергский студент, он старался быть с молодыми литераторами, посещавшими Полонского, как можно любезнее и проще, предлагал тосты за их здоровье и называл их товарищами.

Разумеется, Виктор Бибииков, милый вездесущий юноша, не преминул поразить Полонского знанием наизусть всех его стихотворений. Думается, он не пропускал ни одной пятницы, раньше всех приходил и позднее уходил.

Однажды Полонский, уже уставший, проотившись со всеми гостями, сидел у топившего камина и слегка дремал. Бибииков пришел последним пожать его руку. Полонский взял его руку и зажал в своей, да и заснул. Бибииков из благоговения к поэту не решился выдернуть свою руку. Так он простоял около получаса. Вошла Жозефина Антоновна укладывать мужа в постель, увидела, что он держит за руку Бибиикова, и вскричала:

— Боже мой, да он вас забыл в руке!

Вообще забывчивостью и рассеянностью Полонский славился. Ему ничего не стоило за

чайным столом в вазочку с вареньем погрузить окурок сигары.

У Майкова за ужином Полонский, которому что-то не понравилось, встал со своего места и начал благодарить гостей за честь, которую ему оказали, посетивши его.

— Но только извините, пожалуйста, за плохой ужин, — вообразив, что Майков у него в гостях, а не он у Майкова, заключил Полонский, — в особенности извиняюсь перед Аполлоном Николаевичем, что ничем мы не могли угодить ему. Он так ни до чего и не дотронулся. В другой раз ужин будет гораздо лучше, я сам присмотрю.

Кстати, еще анекдот о Полонском. Когда был его юбилей, царь пожелал видеть его. В назначенный день напялил он генеральский мундир и отправился представляться. Был он не один, с несколькими такими же счастливыми. Их выстроил церемониймейстер, и вошел царь, прямо направившись к Полонскому, обращавшему на себя внимание высоким ростом и костылем.

— Позвольте узнать вашу фамилию? — спросил царь. Полонский растерялся и забыл

свою фамилию. Он беспомощно пожал плечами и сказал:

— Вы извините, ваше величество, никак не могу припомнить, — и указал на свой лоб, — вертится, вертится, а вот хоть убейте! — И потом, обратившись к церемониймейстеру: — Доложите, пожалуйста, его величеству, как меня зовут.

— Это известный поэт, ваше величество: Яков Петрович Полонский! — доложил церемониймейстер.

Царь "милостиво" улыбнулся:

— Очень приятно, я с детства знаю вас. Не окажете ли честь мне и моему семейству позавтракать с нами?

С придворной точки зрения это была неслыханная милость. Полонский, однако, ответил:

— Нет, покорно благодарю, ваше величество, я только что позавтракал, а дважды обременять желудок не имею привычки.

— Ну, как вам угодно, — отвечал царь.

— Экая ты телятина! — сказал ему Аполлон Майков, когда узнал об этом ответе царю.

— Что делать, вообще я глуп, — признался

Полонский. Глупость он считал для поэта вообще достоинством.

Я как-то был у Полонского, когда к нему в кабинет вошел, отдуваясь, полный и очень пожилой человек с красным носом, по-видимому, страдавший сильнейшим насморком.

— Фет! — вскричал Полонский. — Здравствуй, красавец, а я только что перечитывал твои стихи! До чего ты очарователен, неподражаем и глуп, — и он бросился обнимать старого друга.

В 1887 году Полонский приехал в Киев и провел у меня целый день с утра до позднего вечера. Это было летом, стояла чудесная погода. Благоуханный воздух, тополевые бульвары, южное солнце ободрили старика, подняли его нервы, он как-то вдруг помолодел, и костыль не помешал ему исходить со мною пешком чуть ли не весь город. У Софийского собора встретили мы синеглазую девочку лет четырнадцати.

— Смотри, какая прелесть! — вскричал он и тут же сказал экспромт в честь ее красоты.

Я понадеялся на память и не записал тогда восьмистишие, которым разрешился поэт.

Пешком взобрались мы и на Андреевскую гору, уже когда заходило солнце. С Андреевской горы вообще дивный вид на Днепр и заднепровские дали. Внизу расстилался Подол, тоже живописная часть города, с зеленеющей Приоркой, где когда-то жили художники и мастера, выписанные Ярославом Мудрым из Византии.

— Как все ново, когда смотришь на природу с таких пунктов, с каких еще не наблюдал. Такое впечатление, как помните, когда в первый раз в детстве вдруг слетит завеса с пейзажа, перед тем незаметного для вас. Да вот вам способ, кстати, как аспиранту живописи увидеть под новым углом зрения хотя бы солнечный закат. Встаньте к нему спиной, — и Полонский встал спиной, — теперь нагните голову до самой земли, вот так, — он нагнулся, и шапка слетела с его плешивой головы. — И смотрите между ног на облака и на все!

Я последовал его примеру.

— Не правда ли, волшебство?

— В самом деле что-то прекрасное, — отвечал я.

Так мы простояли около полуминуты на

Андреевской горе. Никто нас не увидел, а то осмеяли бы.

Когда Полонского хоронили, собрались в церковь все его пятничные друзья, но еще больше было генералитета, и среди провожавших его прах появился великий князь Константин Константинович в звездах и в голубой ленте, а Случевский, возвращаясь с похорон, предложил всем поэтам, бывавшим у Полонского, перенести пятницы к нему и продолжать их в честь покойного.

Пятницы Случевского уже не носили, однако, такого торжественно-литературного характера, какой был присущ пятницам на углу Знаменской и Бассейной. Не было обаяния старины, не было того литературного воздуха.

От Полонского не пахло генералом, чиновником он был, можно выразиться, по недоразумению. Трудно было прожить стихами и пришлось так или иначе служить, но поэтическая физиономия Полонского совершенно заслоняла собой его мундир, да и тот был съеден молью, и надевал он его дважды: первый раз, когда явился к царю, и второй, когда от-

правился на тот свет. Случевский же, преимущественно, был чиновником, хотя он и томился жаждой поэтических лавров.

На вечерах у Случевского первую скрипку играл обыкновенно Фофанов, впрочем, бывал и читал свои стихи Брюсов и появлялись Бальмонт и Сологуб. Музыкальная часть была упразднена. Много было начинающих поэтов с прелестными лицами и слабыми стихами. Высоченный сын Случевского, печатавший свои статьи под псевдонимом Лейтенанта С, иногда оживлял общество рассказами об Японии.

Когда Случевскому участники его пятниц сделали ужин по истечении года в ресторане "Малый Ярославец", Фофанов, которому предложено было прочесть стихи Случевского, встал, порвал приготовленное заранее произведение и произнес ругательное слово.

— Ну, какой же это поэт, — заголосил он, — кого мы чествуем, хотел бы я знать! Тайного советника, уродовавшего художественное слово всю свою жизнь!

Фофанова стали останавливать со всех сторон, но Случевский засмеялся и попросил не

мешать. Он подошел к Фофанову и предложил выпить на "ты".

— На "ты" я могу с тобой выпить, — сказал Фофанов, — я уже тебя обругал как следует, но все же товарищем тебя я не могу признать. Ты не поэт, а сапожник.

Вечера Случевского еще не закончились, они давались еще и в следующие годы, но постепенно падали, все меньше и меньше посещались и наконец угасли.

Молодые поэты вечеров Случевского стали издавать под редакцией Лихачева журнальчик "Словцо", также не имевший успеха, и только о сборнике "Денница", изданном этим кружком, можно упомянуть с некоторым одобрением.

Кстати отмечу, что один фельетонист, бывавший на вечерах Случевского, метко называл этот кружок "Клубом взаимного восхищения".

Поэтические вечера в память Полонского были легализованы и возобновились в скором времени, не имея, однако, постоянного пристанища. Поочередно они кочевали из дома в дом, собираясь то у Авенариуса, то у меня на

Черной речке, то у поэтессы Кильштет, то у Соколова. Членами этого кружка были, между прочим, Гумилев, Ахматова, Сологуб, Бальмонт, Городецкий, Фидлер, Быков, Случевская, Хвостов, Блок, Каменский, Аничкова, Соловьева-Аллегро, Вишневский-Черниговец и многие другие. Чтобы вступить в кружок, надо было уже иметь свою книгу стихотворений или же пользоваться общим признанием. Почти все поэты, жившие в Петербурге, входили в наш кружок. Я был избран председателем.

Справедливость требует сказать, что хотя мы обязаны были строго относиться к плодам нашей музыки, но и этот кружок можно было бы назвать также "Клубом взаимного восхищения". Был это последний кружок поэтов, дотянувший свое бытие до революционного перелома. Его можно помянуть во всяком случае добрым словом. На его собраниях было весело, все чувствовали себя непринужденно, по-товарищески, и, может быть, на некоторых из начинающих поэтов он все же оказал благотворное влияние.